

ВДОХНОВЕНИЕ

Давай с тобой поговорим...

Народный артист РФ Олег Митяев – о том, какой он видит железную дорогу, о творчестве, русской деревне и... национальной идее

Известный автор-исполнитель и музыкант Олег Митяев 19 февраля отмечает юбилей. Корреспондент «Московского железнодорожника» побывала у него в гостях. Вышла после разговора с ним лёгкого, тёплого, весёлого – и вернулась домой с полным ощущением того, что жизнь прекрасна. А на следующий день в редакции одна из наших сотрудниц спросила у меня: «Ну как? Он такой же, как и его песни?» Я ответила: «Да».

- Олег Григорьевич, спасибо, что вы согласились встретиться, я знаю, какой у вас плотный график...
- Пропускаем это. Вы конфеты любите?
- Спасибо, не люблю сладкое.
- А галеты?
- Тоже.
- А газету?
- А газету свою люблю, да.
- Ну, давайте, задавайте ваши вопросы.
- У нас есть традиция – мы просим наших гостей рассказать о своих «взаимоотношениях» со стальной магистралью.
- Я часто езжу поездом, это безопаснее, чем самолётом. Если говорить о «взаимоотношениях» со старыми поездами, то они были не очень тёплыми. И помните, занавеска в купе висела на эбонитовой палочке? Начинаешь задёргивать, она прогибается и выскакивает. Я всё думал – ну, кто придумал эту палочку, будь она неладна. В СВ нам с Леонидом Марголиным не очень нравится ездить. Он с гитарами и иногда с баяном, там для нас мало места. Поэтому мы берём целое купе, и тогда на втором этаже располагаются инструменты, а внизу мы.
- Леонид Марголин – это ваш музыкант?
- Это я – его солист. И ещё – Родион Марченко. У нас два музыканта и один физкультурник – это я. Вы ведь знаете, что я в своё время окончил институт физкультуры, специализация – плавание? Ну вот. Мы вдвоём ездим. Спать в поезде надо обязательно ногами к окну, головой к двери, чтобы не продуло. А «инфраструктура» купе для этого не приспособлена. А в новых поездах подушка проваливается вниз, и спать неудобно. Но мы уже знаем, как этот проём заделать и чем. А в остальном всё хорошо. И мы, кстати, с большим удовольствием ездим в Петербург на обычном поезде, потому что привыкли уже – вечером лёг, утром встал и ты там. Но на «Сапсане» тоже неплохо.
- Давайте перейдём к песням. Я, кстати, обожаю ваши «Француженка» и «Соседка».
- Егор, неси диск, Светлана не слышала моих новых песен. (Олег Митяев обращается к своему помощнику, он приносит диск «Просыпаясь, улыбаться»). Это – «взятка».
- Спасибо. В ваших произведениях более 30 раз встречаются слова о стальной магистрали. А непосредственно в дороге кто-нибудь написал?
- У меня такое ощущение, что в дороге только и написал. И ещё в гостинице. Потому что когда находишься дома, стоит поднять глаза вверх, сразу думаешь: а вот там надо бы побелить. А в гостинице тебе всё равно.
- В 86-м году, по-моему, у меня были съёмки на киностудии имени Довженко в Киеве и оказались свободные два дня. Раньше уезжали на гастроли надолго. Один день – концерт, а потом сидишь в гостинице и пишешь. И вот я, чтобы скоротать время, занимался литературными упражнениями. Любой предмет, на который ни посмотрю, поэтизировал, представлял, на что он похож. Например: нас кухня тутит на постой, уставших от безверий, согрет клеткою грудной настенной батареи. Целую тетрадь исписал. Именно в дороге или гостинице лучше пишется.
- А вообще, мои отношения со стальной магистралью начались с детства. Я родился и вырос в Челябинске. Когда мне исполнилось 12 лет, мы с родителями переехали жить в дом рядом с вокзалом. И вот вся эта история железнодорожная, когда переговариваются там: «На второй путь передал туда-сюда», громко так, погрузки, разгрузки, что-то падает, прошла через всю мою юность. Но это мне абсолютно не мешало, я привык. Это какие-то такие мои родные звуки, как дождь за окном.
- А как вы написали песню: «Давай с тобой поговорим?»
- Когда я ещё был актёром челябинской филармонии, жил в общежитии. Сидел, что-то писал, и мне нужно было узнать для текста, сколько мест в плацкартном вагоне. Позвонил на вокзал, спросил у дежурной. Она сначала никак не могла понять, зачем мне это надо, а потом начала долго рассказывать. В конце концов из этого получилось песня.
- Некоторые ваши вещи стали своего рода гимном. В Тольятти под песню «Послушай, приятель» отправляют с вокзала поезда, в Нижнем Новгороде под «Волгаря» – отходят от пристани пароходы...
- Они не были задуманы как гимны, обычные рядовые. Но получились, что вошли в транспортную историю. Чтобы написать «Волгаря», она, кстати, есть на вашем диске, я перелопатил 170 лет жизни волжского пароходства – про бурлаков, как они на лошадях барки эти тянули...
- Лариса Рубальская как-то сказала, что мы, слушатели, слишком романтизируем процесс написания авторами стихов к песням. А всё происходит довольно буднично. Она может, например, готовить ужин, и в процессе у неё складываются рифмы. А как же вдохновение? Некоторые писатели выезжают за горой, чтобы муза посетила...
- Если бы можно было этим вот так пользоваться – раз, выехал куда-то и написал. Мы однажды были в Южной Африке. И какой-то фермер нас повёз к себе. Приезжаем, он показал своё хозяйство, разместил нас в доме. Сейчас, говорю, будем делать барбекю. Я зашёл в свою комнату, чувствую, какая-то песня зарождалась в голове, что-то типа «Письмо из Африки». Стал писать, думаю – во поппёрло. Они говорят: «Давай бросай, у нас уже мясо готово». Я решил, что на следующий день с утра встану и напишу, и пошёл. А утром – ничего даже похожего на вчерашнее.
- Но я потом всё-таки закончил её, потому что капля, которая тогда упала – божественная – в эти пять-десять минут, которые я ухватил, она осталась. Из этого, как ты ни крути, всё равно что-то получится. Кстати, такая же история была в Канаде. Все поехали на экскурсию смотреть какие-то дома. А я сказал: «Нет, ребята, летали, знаем, вы уж поезжайте, разберитесь там с домами, а я останусь в отеле». И написал песню: «Я приветствую в тебе бога». Не знаю уж, хорошая или плохая получилась.
- Значит, вдохновение всё-таки существует...
- Думаю, да. Но оно приходит как-то само. И не имеет знака – не хорошее и не плохое, не ужасное и не солнечное. Просто сильное впечатление. Это я когда-то понял для себя. Был тёплый хоро-

Магия песен Олега Митяева – в гармонии слов, музыки и интонации

ший летний день, Москва, Ордынка, а получилась песня: «Сестра милосердия», где человек умирает. И наоборот? Как-то чаще радостное заканчивается грустным... Нет, наоборот, наверное, не было.

- А ночью во сне к вам приходят тексты?

- Я хорошо сплю. Очень хорошо, и именно поэтому зачастую не могу записать каких-то строчек. И тоже такая же история – если сразу ночью не зафиксировал, что пришло во сне, утром даже намёка нет. Поэтому приходится вставать. А так, чтобы за полночь сидеть и сочинять, нет, для этого нужно быть этим... совой. И поэтом.

- Вы – жаворонки?

- Нет, я сурок.

- Это что такое?

- Сурок – он всегда спит.

- Поэты, музыканты, когда сочиняют новую вещь, зачастую показывают её близким, домашним. Кто обычно бывает вашим первым слушателем?

- Кто попадётся. Иногда это люди с очень хорошим вкусом, высоким профессионализмом и довольно требовательные к качеству. Каким, например, был Эльдар Александрович Рязанов или остаётся Михаил Михайлович Жванецкий. Им спеть какую-то непроверенную песню очень волнительно. Поёшь и думаешь – ну что ты написал, какую-то ерунду.

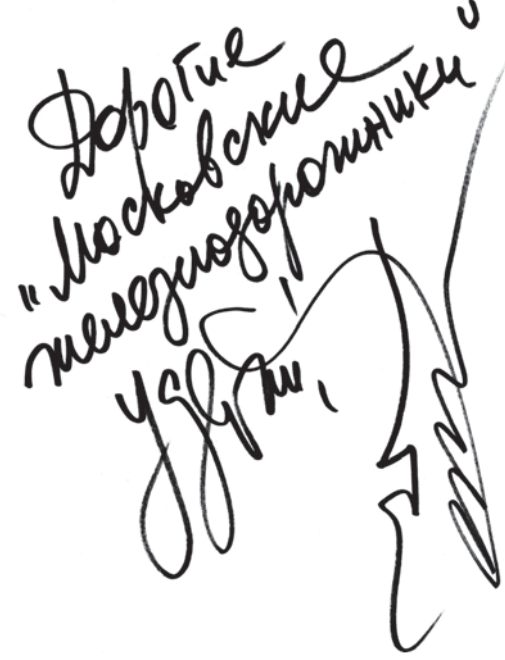
Вот Эльдар Александрович тоже мне говорил, про эвтаназию у меня что-то там было: «Что ты написал? Какая эвтаназия? Тогда её ещё не было. Что ты накуролесил? Я вообще не понял, о чём эта песня». А песня-то хорошая – «Жестокое танго». Всё там нормально. Но... это дело вкуса и случая иногда. Отрицательный результат – тоже результат. Слава богу, у него были и любимые песни из моего репертуара.

- Вы прислушивались к нему?

- Нет...

- Вы хотите сказать, что не прислушивались к Эльдару Рязанову – одному из самых талантливых режиссёров и творчески одарённых людей нашей страны?

- Я могу как раз найти какое-то подтверждение. Если, например, знаю, что это хреново, и человек мне говорит об этом. И я соглашаюсь. Иногда бывает – я знаю, что это хорошо, а человек мне говорит – плохо. И я его тогда не слушаю. Мне нравится и пишу. Знаете, порой вроде бы ничего особенно-

челябинской филармонии. У меня было по 14 концертов за два дня, на праздники, например, пятого или шестого ноября. Мы приезжали в какой-нибудь цех, и ты должен спеть, обаять, покорить, рассмешишь, поздравить и победно уйти. И я так натренировался. И на этом погорел, когда стал давать авторские концерты. Ко мне приходили люди, чтобы послушать мои песни, а я включал им бодряка – пел про излишний вес Юрия Визбора. И некоторые потом говорили: «Что же ты, Олег, мы пришли к тебе, а ты...». И сейчас мне ничего не остаётся, как оставаться самим собой. То есть я выхожу на сцену – вот уже 25 лет – и мне ничего не надо делать. Выстраивать программу, думать, что сказать между песнями.

- Вы знаете, я же стихов-то никогда не писал.

- А это всё – не стихи?

- Ну, я пишу песни. У меня такое ощущение, что я вообще так и не начал ещё писать. Если бы я окон-

» Национальная идея такова: лучшие люди общества должны заниматься воспитанием подрастающего поколения. Иначе мы никуда не продвинемся

го, а получается хорошая вещь. Михаил Жванецкий говорит: «Сидишь – сидишь, пишешь – пишешь, что-то фитня какая-то получается. Значит, хит».

- Что вам больше нравится – процесс создания песни или выступление?

- Булат Шалвович Окуджава предупреждал меня, говорил: «Вы только не становитесь артистом, не обольщайтесь комплиментами, аллодисментами, это всё наносное. Надо писать прежде всего». Но Булат Шалвович – это Булат Шалвович. А я же не могу отказаться от того, что душу греет. Он тоже сказал как-то: «Есть хорошие «выступальчики». Вот я – «выступальщик» всё-таки. Не могу отказать себе в удовольствии. Вообще, по большому счёту, я – психотерапевт. Да. Вот у нас такой психотерапевтический сеанс происходит. Собираются люди, мы так поговорим с ними, я спою что-то-то...

- То есть вы знаете, что ваши песни лечат душу?

- Может быть, но самое главное, что это психотерапевтический сеанс для меня, потому что мне становится лучше. Раньше я думал, что, может быть, я отсысываю энергию у зала, и поэтому мне хорошо. Нет, им тоже хорошо. Так что у нас происходит обмен.

- Хорошо, когда вас любят столько людей?

- Я просто не знаю другого. Очень большое счастье в том, что я не знаю тех, кто меня не любит.

- А у вас не бывает так, что вы на концерте, условно говоря, чувствуете, что это не ваша аудитория?

- Очень давно, когда я начинал, такое случалось. Но я получил большой опыт, закалку, когда работал в

дищева. Потрясающий язык. Мы же в школе проходили. Но в детстве, что я понимал, я вообще тогда не любил читать. Думал – ну, когда-нибудь надо прочитать. И вот полжизни прожил и даже не представлял, что это так туго, насыщено. Или, например, Хорхе Луис Борхес – читаю, как землю копаю. Или Гарсиа Маркес. Андрея Платонова могу с любого места открыть, язык потрясающий. Он описывает чувства словами, которые не предназначены для этого, и добивается большого эффекта. Я уже не говорю о Василии Макаровиче Шукшине. Его литература очень сильно во мне сидит. Я и читаю, и смотрю как зритель, и играю внутри себя как актёр.

- Василий Шукшин писал о русской деревне. Откуда в вас эта тяга к деревенской жизни?

- Мой дед, мордвин по национальности, – Жаринов – жил в деревне, играл на гармошке, пел ещё на мордовском. Видимо, поэтому мне вот эта – шукшинская и саврасовская – неприметная Россия настолько близка. Она меня пробивает. Я – в «жариновскую» породу. Хотя, вот посмотрю на себя в зеркало, думаю: ты вообще к русской деревне никакого отношения не имеешь. А вот тянет.

Я, мне кажется, именно поэтому в детстве прочитал книгу Василия Белова «Лад» о быте русской деревни. Не специально её искал, она случайно как-то попала ко мне в руки. Но, видимо, неслучайно. И Николая Рубцова, у него там – любовь, мороз, лошади, собаки лают... Мужик такой, пишет о Руси. В общем чтение – это увлечение и удовольствие до конца дней, и литература, и история. Иногда хочется всё бросить и сидеть – читать. А писать кто будет?

- Как получилось, что вы приняли участие в восстановлении храма Николая-угодника в Костромской области, в деревне Сунгурово?

- Само как-то, не я финансировал. Был в Костроме с концертами, да в баню-то меня повели в том селе, на берегу Волги. Смотрю – храм разрушенный стоит, красавец, огромный такой. А потом на концерте выступал и встретил Николая. И говорю: «А ты же Николай, а тут смотри – храм-то какой, может, как-то поучаствуешь?» И вот он поучаствовал. И сейчас храм беленький, красивый стоит. По Волге, мне рассказывали, идёт экскурсия на теплоходе: «А тут у села Сунгурово разрушенная церковь. Ой, а уже и не разрушенная».

- Вы быете там?

- Конечно.

- Вы не устаёте повторять, что национальной идеей нашей страны должны быть воспитание и образование. Хоть вы и считаете, что делать добро нужно молча, но всё-таки расскажите, пожалуйста, о вашем фонде, где занимаются внешкольным образованием. И помогает ли вам в этом государство?

- Это вообще – мировая национальная идея. Вы знаете, я устал даже стучаться во все двери (вздыхает). Устал об этом говорить. Это такая простая формула – лучшие люди общества должны заниматься воспитанием подрастающего поколения. Иначе мы никуда не продвинемся. Это частный лицей в Челябинске под эгидой «Благотворительного фонда поддержки культурных инициатив». Учреждение, где учатся дети, попавшие в сложную жизненную ситуацию. У них у каждого в семье какая-нибудь проблема. И мы даём им дополнительное образование. Это и хороший английский, и астрономия, и кинематограф... Но прежде всего педагога лицей занимается воспитанием детей. Ведь ими бы вообще никто не занимался, если бы не этот лицей. Государство этому практически не помогает. И я сам его тоже не финансирую, только ишу средства.

- Находятся люди, которые хотят помочь вам в этом?

- Да, слава тебе Господи. Уже года три-четыре я этим занимаюсь. Помогаю.

- Вы – кандидат в мастера спорта по плаванию. А в институте физкультуры поступили, потому что хотели стать тренером, или, что называется, поплыли по течению?

- Я, честно говоря, никогда серьёзно плаванием не занимался. Просто вырос на озере. Я хотел стать кинологом, люблю собак. В детстве собирал всех дворянских во дворе, приручал. То же с каждой разговаривал. Кормиил борцом, спасал, будки им всякие делал. Питомник устраивал. Всех приручил.

Но вот как-то так ничего не пригодилось – ни институт физкультуры, ни собаководство.

- А вы сами умеете готовить?

- Да, утром встаю, готовлю овсяную кашу.

- Супруге?

- Супруге или дочери... Себе прежде всего. Я раньше ждал-ждал, что они встанут и сварят мне кашу.

- А они не встанут, да?

- Да. Думаю, чего ждать, себе дорожке. И научился. Я умею даже делать пельмени. Меня в детстве научили. Сейчас учусь делать мордовские. Они сильно отличаются – не кругленькие, а такие – квадратенькие, гораздо жирнее и из другого фарша. Мы с мамой лепили.

Это вообще такая красивая история – приезжали родственники в пятницу вечером, послали, утром проснулись и стали лепить пельмени. Один раскачивает, другой мясо закладывает, третий лепит, складывает и относит на мороз. Это же не просто приготовление пищи, это – разговор неспешный. Торопиться некуда, до вечера далеко. Ритуал. И у меня это просто в руках осталось.

- Я знаю о вашем хобби – метании ножей. Как оно появилось у вас? Мне кажется, для человека с такой тонкой душевной организацией это довольно необычное увлечение.

- Я в детстве посмотрел фильм о ковбоях, американский – «Великолепная семёрка», они там метали ножи. Ну, и я стал, чтобы быть на них похожим.

Метал в дверь, в окно, в брата. Чуть не попал в него. Он входит в комнату, вдруг нож об косяк – бах. Потом я несколько раз с ним спорил, что смогу попасть в перекресте окна. Я все ножи дома заточил и разбил благополучно три окна. Вставлял, шпаклевал дверь, стены, меня मत порола. Но я всё равно метал эти проклятые ножи.

Но наступил момент, когда мне это наконец-то пригодилось – в армии. Служил я в суровых условиях морского флота в Москве в Большом Козловском переулке. Мы охраняли адмирала флота Советского Союза Горшкова. А вечерами метали ножи. Каждый, кто выигрывал, получал дополнительную порцию масла и яиц. И таким образом утром к нашему столу приносили эти яйца. И сейчас у меня во дворе стоит стелд и ножей штука 40.

- Вы серьёзным бываете вообще?

- А что вы сейчас с вами дурака вяляем, что ли?..